

Отрывки изъ дневника Н. Гилярова.

Моя мысли и чувства при окончаніи риторическаго курса.

Время, время! Какъ скоро ты летишь, крылатое время! Что ни дѣлаешь, а ты все обогнаешь. Иногда въ скучный зимній холодный день, когда слезы замерзають на щекахъ отъ мороза, невольно говоришь самому себѣ: ахъ! скоро ли весна! Пора избавиться отъ этой несносной жестокой стужи. Не успѣешь отогреться — и ужъ снѣгъ таетъ, зеленая трава покрываетъ землю, деревья опушаются листьями, зяблыми птички зачирикають въ воздухѣ. И весна при-скучивша, земледѣлецъ бѣдный, трудолюбивый, говорить: „скоро ли лѣто, скоро ли поспѣеть хлѣбъ, плоды? вѣтъ нечего“. Глядишь — лѣто какъ тутъ: нивы волнуются золотыми колосышками, сѣдые плоды красуются на деревьяхъ. Какой жаръ, поскорѣе бы осень; и осень не заставляетъ долго ждать себя, осенніе вѣтры вабуждаютъ въ лѣсахъ, засыпаятъ въ городахъ, лиоты пожелтѣють, опадутъ; а таитъ также быстро, также незамѣтно приближается зима, ледъ окуетъ поды, снѣгъ забѣлается на поляхъ, настанутъ трескучіе морозы. Такъ всегда летитъ время. Быстро летитъ пуля, пущенная изъ ружья, но время быстрѣе.

Идите идалекъ черную точку, едва замѣтную? Люди мало обращаютъ на неинтересъ, но время несетъ ее на себѣ, и она течетъ, течетъ, и все ближе и ближе, и наконецъ вдругъ останавливается предъ нашими ногами. Это гробъ, холодная могила, а за ними нѣтъ, гдѣ уже нѣтъ времени. Вотъ, друзья мои, первая мысль, представшая мнѣ при иступленіи лѣта 1840 года. Она нѣсколько обща, но простите, что нашло въ голову, того не выкинете. Я помню—меня вывели въ семинарію, и жаждалъ скорѣе выучиться сочинять. Скоро ли, скоро ли и буду уметь сочинять, какъ надо; скоро ли минуть эти два года. И вотъ прошелъ годъ, приближающій къ концу и другой. И это такъ быстро, такъ мимолетно, что прошедшее со мной за годъ и болѣе кажется мнѣ какъ-то легкимъ сновидѣніемъ, только что кончившимся. И вся жизнь на смертномъ одрѣ не такъ ли же представляется сномъ?

Но прочь всѣ эти черныя, мрачныя мысли, невольно представляющіяся мнѣ, но навѣивающія какимъ то холодомъ, когда воспоминаешь о смерти. И только что начинаю жить, къ чему же онѣ? Теперь надо радоваться, а не плакать, и если думать что нибудь, то все не такъ уныло. — И оканчиваю курсъ риторики. И кое-какъ выучился сочинять, — къ чему же послужить мнѣ мое знаніе? Начѣмъ я учился? Какая для меня отъ того польза? — Ахъ, друзья мои! Пусть спрашиваютъ себя такимъ образомъ: кто нибудь другой, а что касается до меня, то и давно уже отвѣтить себѣ на эти вопросы!... Но они теперь опять представились моему уму. Если и что нибудь знаю, и если я еще что нибудь приобрѣту, еще сколько нибудь умѣнья говорить, краснорѣчиво (а у меня это еще такъ мало!), то куда его употребить, какъ же на пользу ближнимъ? Какое удовольствіе будетъ для меня, если я своимъ словомъ хоть нѣсколько людей, хоть одного человѣка успѣю отратить отъ пути криваго и навести на путь прямой, истинный! Какое удовольствіе! Если я обратилъ книго нибудь къ добродѣтели, значить я умѣю убѣдить. Убѣдить—пріятная мысль! Но въ чемъ убѣдить? Убѣдить не въ пустыхъ какихъ нибудь умозаключеніяхъ, сдѣлать впечатлѣніе не суетное или даже порочное, возбудить страсти не злыя и порочныя, какъ нѣкоторые писатели, хваставшіе своимъ умѣньемъ дѣйствовать на душу. О, нѣтъ! Это можетъ сдѣлать и всякій мало мыслящій человѣкъ! Небудитъ страсти! Къ нимъ люди и безъ того способны, и безъ того готовы предаться со всею силою, лишь укажи дорогу. Нѣтъ, утѣрять въ отвергаемой истинѣ и разувѣрить въ свято чтимомъ, внушить любви къ ненавидимому и ненависть къ любимому, любовь къ добродѣтели и ненависть къ пороку—вотъ истинная и славная побѣда надъ умомъ и сердцемъ человѣческимъ, потѣ истиннаго слава краснорѣчія! Но кромѣ удовольствія собственнаго, награды земной, есть и другая награда, которая выше и важнѣе всякихъ земныхъ наградъ. столько выше и важнѣе, сколько больше и спѣтѣе ослѣнце, познанный сияніемъ Богомъ.

предъ маленькимъ фонаремъ, зажженнымъ рукою человѣческою. Эта небесная награда — безконечное блаженство въ будущей жизни, которое, какъ говорить Апостолъ Іаковъ, дается тѣмъ, которые обратятъ грѣшника на путь истинный. Кто обратитъ грѣшника, говоритъ онъ, тотъ покроетъ множество грѣховъ своихъ.

Эти мысли пришли мнѣ въ голову при возвращеніи на прошедшее, на мое изученіе риторики. Теперь посмотрю на будущее, на мое продолженіе наукъ. Меня будутъ учить тому, какъ правильно мыслить и рассуждать, будутъ учить, что такое Богъ и человѣкъ, а тамъ дѣлье, какія обязанности человѣкъ имѣетъ къ Богу: прекрасныя науки, доставляющія драгоценныя познанія! Пусть всякая толкуетъ о пользѣ наукъ, какъ ему угодно, пусть приводитъ на это какія угодно причины, но я и вижу одну только пользу отъ наукъ, и для одной только дѣли, думаю, должно учиться. Эта цѣль — Богъ и добродѣтель. Искъ, что можетъ способствовать къ большому нашему познанію Бога и нашему приближенію къ Нему, то я считаю полезнымъ, и что служить только къ суетному подвѣиванію ума нашего, то — вредъ, жестокой мѣл. которая не только не принесетъ никакой пользы, кромѣ одного мимолетнаго суетнаго удовольствія отъ большихъ познаній (и то только удовольствіе, а не польза!), но и заставляющъ своимъ печальнымъ окончаніемъ въ будущей жизни, заставляетъ горько раскаяваться любителей земной мудрости. Я знаю только, что благочестіе и искъ ведущее къ нему исполнѣе покаяно, и земное ученіе только имѣетъ, да и то только то, что не даромъ носить названіе *ученія*. А что развѣ не ученіе, что учить насъ адрано рассуждать, что учить насъ умѣ дѣлствовать прямо, не заблуждаться съ пути и не рассуждать ложно, вопреки свидѣніямъ для человѣка истиннымъ, какъ дѣлали нѣкоторые философы прошедшаго столѣтія. А что учить насъ нашимъ обязанностямъ къ Богу, то самымъ названіемъ своимъ вполне показывать свою пользу.

Друзья мои! Хотѣлъ я высказать всѣ мои мысли и чувстваванія при окончаніи риторическаго курса, но . . . изътъ! Я не могу, не въ силахъ одѣлать итога. Умъ мой преположенъ многими, очень многими мыслями, но извѣтъ ихъ недостатъ силъ. Я высказалъ только главнѣйшее.

Начну и, если Богъ дастъ, другой курсъ, курсъ философіи, и тогда . . . желать ли мнѣ, чтобъ онъ скорѣе окончился? — О желать безъ сомнѣнія. Чѣмъ скорѣе онъ пройдетъ, тѣмъ скорѣе я могу быть кому нибудь полезнымъ. А тогда какъ окончу свое ученіе, тогда, если я буду хоть кому ни есть полезнымъ, и буду желать, чтобъ время шло тише, какъ можно тише, чтобъ дать мнѣ возможность быть болѣе и болѣе полезнымъ. Когда же и не буду въ состояніи принести кому нибудь пользу, не буду имѣть возможности (еслибы такъ случилось), тогда — о! тогда дѣти быстрые, не выдерживай меня напрасно на пути

мной суетной жизни. Лети, оплани быстрѣ, неси меня къ гробу, къ вѣчности, чтобы скорѣе унести съ земли ненужнаго, бесполезнаго и лишн. напрасно тяготищаго се человѣка!....

Н. Гилироуъ.

27 Декабря, пятница.

Сегодня мнѣ пришло на умъ кое что о чудесахъ, рассказываемыхъ и четьихъ минеяхъ и прологахъ. Люди, мечтающіе быть свободными отъ предрасудковъ суевѣрія, люди просвѣщенные обыкновенно не вѣруютъ ничѣму «сказанному», и даже смѣются надъ тѣми, кто этому вѣритъ. Чудеса? подумалъ я. Эти люди вѣрятъ Библии, вѣрятъ всему, что тамъ есть, и не хотятъ вѣрить сказаніямъ Св. Отцевъ. Отъ чего? Причина очень естественная. Библия дескать писана Духомъ святымъ, а писаніи Св. Отцевъ непр. — Конечно Св. Отцы во многомъ ошибались, и что они не всегда правду говорили. Этому лучшимъ доказательствомъ служить то, что житіи одного Отца противорѣчатъ другому. Поэтому-то и не должно во всемъ довѣрять имъ; на примѣръ свѣдѣніе было бы вѣрить Дмитрію Ростовскому въ то, что есть на свѣтѣ такіе животныя, подобные нашимъ сказочнымъ полкшамъ, которыхъ не видалъ и вѣрно никогда не увидитъ ни одинъ естественнспытатель. И это ничуть не опровергаетъ ихъ святости. Эти добрые старики молились Богу и дѣлали добро, и за это попали въ святые... А это вещь совершенно сторонняя отъ опасеній. Впрочемъ не должно впадать и въ другую крайность, будто бы вѣрить рассказамъ Св. Отцевъ надо вѣрить въ такой же степени, какъ сказкѣ о Добрыни Никитичѣ. Именно, что то, объ чемъ пишутъ Св. Отцы, случалось на землѣ, но подробности, обыкновенно сопровождавшія описаніе жизни каждаго Отца, были.... частью сказки. Покажемъ же теперь, должно ли вѣрить Св. Отцамъ, и въ какой степени вѣрить сказ. о чуд. Св. Отцевъ.

Конечно никто не станетъ спорить, что Св. Отцы думали обманывать....

1 Января понедѣльникъ.

Ровно полгода прошло съ тѣхъ поръ, какъ я началъ этотъ дневникъ.... Какое разстояніе — цѣлые полгода! Сколько въ это время случилось со мной происшествій свѣтлыхъ и печальныхъ, радостныхъ и горестныхъ, и все прешагательныхъ. Тогда мнѣ было 15, а теперь шестнадцать лѣтъ, тогда былъ еще риторъ, а теперь уже готовящійся въ философы. Въ продолженіе и успѣлъ ужъ съѣздить въ Коломну, повидаться съ родными.... Какъ много съ тѣхъ поръ утекло воды!... Но несмотря на все это и не написалъ до сихъ поръ ни одной строчки въ моихъ журналахъ. Неужели и этому бѣдному дневнику уничтожиться также какъ уничтожились тѣ три дневника? О явѣ, при написаніи его я принялъ

решительное намерение продолжить его, если можно до самого конца моей жизни, так, чтобы при самой смерти написать мои предсмертные думы не на другой какой бумаге, но именно в этом журнале, написать что либо в родъ этих стихов Державина..... предъ смертью на поспидной доске.

Такъ чтоже мнѣ мѣшало продолжать мой журналъ? Прать, который мѣшало мнѣ продолжать, и январское нѣбо. Какъ теперь помню, и сидѣлъ въ кабинетѣ и писалъ начало своего дневника тихонько отъ нѣбъ. Пишу, пишу, авось не увидятъ.... А то вѣдь беда! И гдѣ бумагу взять, и какъ смѣлъ взять безъ спросу, и для чего взять, и такъ ладѣе... Авось, авось... но какъ тщетна надежда человѣческая. „Никита, поди сюда“ раздался изъ дали этотъ грозный (!!!) голосъ, и я спѣшу тотчасъ забросать свой дневникъ бумагами и положить въ шкапъ, едва успѣвъ поставить на концѣ нѣскольکو точекъ..... На другой день хотѣлъ было продолжать писать, но Петръ Александровичъ и Александръ Петровичъ опять помѣшали мнѣ.....

Такъ прошло полгода. И ужъ забылъ о сносѣ журналъ. Однажды какъ то я увидѣлъ его у себя въ бумагахъ. „А! подумать и,—старый знакомецъ. Да нельзя ли мнѣ теперь начать другой свѣжъ пятый дневникъ“. Думалъ, думалъ, но захотѣлъ лучше продолжать начатый, нежели начинать новый.

2 июля вторникъ.

Сегодня у насъ былъ Черкизовскій дьяконъ, приходившій къ брату за Черкизовскими деньгами. Братца не было дома. Мы поговорили о томъ, о семъ, о ачмылахъ напѣхъ, о коломенскихъ родныхъ, и я къ удивленію узналъ, что свестрица Душа родила сына Петра. Крестины были пропалаго воскресенья, т. е. 23 числа юли. (Тотъ, они не пишутъ къ намъ о такомъ важномъ случѣ, происшедшемъ въ нашей фамиліи. Прямо досадно подумать, что они какъ будто не считаютъ насъ своими родными).

Теперь, всѣ мои помысленія занимають два предмета: якамени и Коломна. Я боюсь, чтобъ меня не вывели назавтра въ рестораку, не сжалили съ перваго мѣста, это первый и важнѣйшій для меня предметъ моихъ думъ. Нѣсколько разъ я не отпѣчалъ Николаю Ивановичу, на экстраординарныхъ предметахъ я не слишкомъ высоко, на священномъ нѣспашіи можно сказать, что я не отягивалъ, инспекторъ и ресторъ обо мнѣ худого мнѣнія. Вотъ что крутить мени!.. Конечно не великій беда быть выведеннымъ вторымъ или третьимъ и даже 10. но стать то какъ!.. „В, в! будутъ говорить ученики и мои родные, а бѣда пер-насть, и теперь къ выводу оказался недостойнымъ первымъ мѣста!“ А это какъ scuole?... Поѣздки въ Коломну—вотъ вторымъ и ближайшимъ къ сердцу предметъ моихъ думъ. Братецъ посылать въ Коломну уже два обличительныхъ писемъ. Будутъ ли они имѣть коимъ нибудь успѣхъ. Можетъ ити дѣвка жинеть у

насъ до сихъ поръ и негодики-шныицы Ванька съ Алексѣемъ продолжаютъ посѣщать нашу домъ.... Они тамъ объѣдаютъ тятеньку, а братъ не хочетъ держать меня долго вакаціи... Такъ надо съѣднить чтобъ устроить всѣхъ. Притомъ надо мнѣ платъ кое какое шитье, преимущественно же шитье. А то пожалуй сошью какую нибудь чуйку!!! Не говорю ужъ о томъ, что я буду посмѣщикомъ всей семинаріи, потому что въ риторикѣ то по второй годъ носилъ чуйку одинъ только я, но въ еще почему и желаю, чтобы мнѣ шили шинели. Когда братъ не станетъ держать меня, то и разумеется буду искать учительскаго мѣста. А въ худой одеженкѣ, извѣстно, меня нигде не примутъ. Итакъ вотъ причины, по которымъ я желаю ѣхать въ Коломну. Я не говорю уже о томъ, какъ пріятно поелъ полугодовой рылуки видѣться съ родными. Но что если братъ меня не отпуститъ подъ какими нибудь предлогомъ, хоть то напримѣръ, что на это нужно титонскѣ изтрать 10 рублей. Тогда какъ Ванька съ Алексѣемъ наѣтрое изъ вакаціи больше съѣднитъ у тятеньки. Я бы уѣхалъ тогда самъ безъ его позволенія, потому что онъ ужъ обѣщанъ не держать меня долго вакаціи. Да вотъ бѣда на дорогу денегъ нѣтъ у меня. И то бы ничего. Я бы на дорогѣ обошелся безъ денегъ, но вотъ въ чемъ дѣло. Напошкику надо задатокъ, но крайней мѣрѣ гривенника, хоть бы зинать у кого нибудь пятиалтынный, пятакъ серебромъ пошелъ бы на....

3 Іюли среда.

Потру я заходилъ въ семинарію, оттуда пошелъ къ Насилью Насильевичу, для того чтобъ отдать ему кони съ билета Сохранной Казны, но засталъ его въ постелѣ, онъ боленъ. Дѣлать нечего поворотилъ оглобли назадъ я зашелъ справиться, пріѣхалъ ли Иванъ Ивановичъ въ Москву, и мнѣ сказали, что еще не бывалъ сюда. И слава Богу! Ахъ онъ не поѣдетъ до осени! Въ такомъ случаѣ я буду въ состояніи во время вакаціи прочитать много книгъ, полезныхъ и занимательныхъ.

И иногда читаю книги списывать изъ нихъ. что мнѣ нравилось, на особенные клочки бумаги. Теперь я хочу написать въ мосъ гдѣто то, что осталось у меня изъ этихъ выписокъ. Вотъ напр. стихи. Давыдова, забылъ подъ какимъ заглавіемъ, кажется *Пѣсня нашего времени* изъ Библ. для Чтенія.

Вотъ въѣхъ бурный, липный вѣхъ (и т. д.)

4 Іюли четвертъ.

Вотъ еще выписка изъ «Отечественныхъ» Записокъ Гривца Осмоушника Пѣсня запорожцевъ, сложенная въ то время, когда у запорожцевъ отняли ихъ землю, не давая другой для поселенія.

Ой Ноже жъ нашъ, Ноже милостивый! (и т. д.)

Когда им дали землю для поселения, они сложили псалом:

Ой когда жь намъ журилось.

Пора перестать... (и т. д.)

Вчера съ намъ принесли Библию для Чтения отъ Опелыши. Изъ нея надлежало сдѣлать нѣсколько выписокъ.

и была суббота.

Вчера поутру въ 7 часовъ я собралъ книги, какъ и поелда, пошелъ туда, куда всегда хожу, только не въ тотъ классъ, и не съ такимиъ духомъ, какъ обыкновенно. Вчера у насъ былъ особенный экзаменъ, экзаменъ нечета прежнимъ словеснымъ экзаменамъ. Нѣтъ! это экзаменъ режиссерскій, который окончательно рѣшаетъ судьбу ученика — вывести ли его, оставить ли или исключить, и какимиъ вывести, оставить, и если надо, исключить. Я иришелъ въ классъ бого-словий въ тревожномъ состояніи духа, хотя, разумеется, старился, какъ и въ, показывать протинное.

Прошло 6 часовъ. Немного спустя является къ намъ Ректоръ, сопровождаемый Инспекторами, П. И. Надеждинымъ и П. П. Чертоковымъ. Прочитали молитву, ректоръ раскнижился и олъ, его примѣру послѣдовали всѣ учителя и ученики. Минуты съ двѣ циретновало глубокое молчаніе, пока ректоръ размѣривалъ списокъ и осматривалъ перы. И въ эти двѣ минуты сколько разныхъ ощущеній наполнило моихъ товарищей: однихъ блѣднѣть, другой краснѣть, третій смотреть въ тетрадки..... Признаться, и тутъ.....
всѣ давоинны робость или смущение, назовите какъ угодно..... Наконецъ О. Юсеифъ громкимъ голосомъ по своему обыкновению сказалъ: кто желаетъ остаться еще въ этомъ же классѣ? Желающіе вышли на средину, и экзаменъ начался.

Между тѣмъ инспекторъ далъ предложеніе для задачи экспромтомъ: *modestia est optimum ornamentum iuvenis*. Прошла четверть часа. Никто еще не говорилъ заданнаго экспромта. Изругъ инспекторъ высклываетъ меня „Никита Гиларовъ!“ Эд, ай! Я еще не приотточилъ ничего, но дѣлать было нечего. Я выпелъ.

„Сдѣлалъ ли экспромтъ?“ спросилъ инсп.

— Нѣтъ еще.

„Слышалъ предложеніе? *Modestia est optimum ornamentum iuvenis*. Что ты хочешь сказать?“

— Хрю поридочную.

„Ну чтожъ ты молчишь? говори.“

И такъ и сякъ. Да нѣтъ, отвѣряться никакъ было нельзя, и я ему сказалъ:

— Я хочу сказать превращенную хрю по перваго рода.

„Говори.“

Ничего дѣлать, я сталъ говорить свой экспромтъ, экспромтъ въ подномъ смыслѣ, потому что я думалъ въ то же время какъ говорилъ. И что же я сказалъ? Какую глупость! Ну право отыдно мнѣ повторить здѣсь! Какую общую причину я привелъ!... Потому до modestia est optimum optimissimi invenio, что illa in florento et decrepita aetate hominem felicem reddere potest!... И такъ чувствовалъ тогда это. Но дѣлать было ничего. Утопающему не надо презирать и бременушка маленькаго, а я хватался за соломенку. И въ торопяхъ въ смущеніи я даже забылъ, что хрю превращенныя имѣють часть: связь — и связалъ хрю безъ связи. Какой дуракъ!

Наконецъ въ полминуты—куда въ полминуты! въ двѣ секунды, я кончилъ экспромтъ. „Маловато,“ сказалъ мой аудиторъ. Кажется можно было..... Прошло уже четверть часа. Чтожъ дѣлать не разслыхавъ предложенія!.. Сталъ спрашивать объ немъ, и пока спрашивалъ объ немъ у другихъ, уже прошло довольно времени..... Ну ступай.

Да впрочемъ и другіе не лучше меня. Сперанскій ушелъ отъ инспектора со слезами на глазахъ и сказалъ, что инспекторъ его не допустилъ!.. Нѣкоторые однакожъ сказали хорошо, тѣмъ болѣе, что въ какое то испытаніе задавали намъ задачу на это же самое предложеніе только по руски.

Часу въ одиннадцатомъ пріѣхалъ Виталий. Онъ спрашивалъ не по порядку. Между прочимъ спросилъ и меня объ ораторскомъ пронапошени. Я ему сказалъ. Выслушавъ мой отвѣтъ объ ораторскомъ пронапошени, репозиторъ сказалъ пу проанеси же мнѣ какую нибудь тираду мастерски по этимъ правиламъ, которыя ты читалъ. Что напримѣръ ты знаешь. Хотѣлъ ему сказать: воше просвѣщенство, извольте я намъ лекцію мастерски проанеосу, но онъ самъ мнѣ назначилъ проанеосить оду „Богъ.“ Я прочелъ ему первую строфу, (и старался читать что называется въ чувствомъ съ толкомъ съ разстановкой) на которой онъ остановилъ меня: „а, батюшка, сказалъ онъ, у тебя выраженія никакого нѣтъ, ступай.“ Хотя и досадно мнѣ было, но не спорить же съ нимъ. Я поклонился, какъ слѣдуетъ.... И вотъ весь экзаменъ!

Я пришелъ домой, братецъ мнѣ далъ читать книгу: Житіе митрополита Платона, соч. Нв. Сногирева. Славная книга. Надѣюсь кое что выписать.

Ну а объ вышешнемъ дѣлѣ что написать? Ничего. Вѣдь, ходилъ, сидѣлъ, писалъ—вотъ и все!

7 іюля воскресенье.

О! какое тяжкое испытаніе послалъ на меня сегодня Богъ!..

Потуту сегодня пришедши отъ обѣдни, я услышалъ, что братъ что-то чи-

таеть. Это было письмо из Коломны, отвѣтъ на послѣднее братнее письмо, которое служило продолженіемъ перваго письма, посланнаго отсюда въ Коломну съ Черказовскими. Оба братнія письма содержали укоры тѣмъ въ расточительности и погуляньи жить. Вотъ отвѣтъ татенькинъ на нихъ: Люб. дѣти здравствуйте! Мы слава Богу живы и здоровы, только дума.....

20 августа вторникъ.

Гей! оборвалось!... Какая странная судьба моего журнала.... Начавъ его, написалъ нѣсколько страницъ, и послѣ того онъ оставался нетронутымъ ровно полгода. Потомъ опять и написалъ изъ него нѣсколько страницъ, и онъ снова пролежалъ въ бездѣйствіи цѣлый мѣсяцъ. Надо же какъ нибудь вознаградить это. Произшествій случившихся со мною съ Января 1840 года до Юля я не могу припомнить; за то постараюсь хорошенько разокзать случившееся со мною съ осьмаго Юля до 20 Августа.

Признаться со мною случилось такъ много важнаго. Я остановился на томъ, что татенька прислалъ къ брату письмо. Тамъ между прочимъ сказано, что моя поѣздка въ Коломну отдается на произволъ Бога. Это было въ воскресенье. Предвидя, что моя трѣс cher frѣре спроситъ, хочу ли я ѣхать въ Коломну, я заранѣе обдумалъ отвѣтъ за раннее обѣдней. Я угадалъ за чѣмъ братъ спроситъ, я отвѣчалъ, что хочу. (Онъ назвалъ меня дуракомъ свингевъ, благодарною окотипою. „Я и прежде намекалъ тебѣ, говорилъ онъ что ты въ вакацію будешь заниматься съ Петромъ по французски и по гречески, ты не хочешь этого понять!“ Я себя научъ молчу. „Подумай, сказалъ онъ наконецъ.—Но мое намѣреніе было непоколебимо. Слѣдствіемъ этого было прѣжаркое письмо изъ Коломны, въ которомъ братъ называлъ меня безнравственнымъ школьникомъ, который развратилъ его сына и пр. и пр. въ такомъ же тонѣ и притомъ написавъ чтобъ тѣмъ прѣжде двадцать осьмаго числа вѣспелать, что Катер. батѣе не живеть у насъ а Н. и Ал. не ходять.

Прошло спокойно нѣсколько дней о письмѣ не было и помину. Даже братъ далъ мнѣ изъ 15 рр. пригидъ, титенькою для покупки халата и жилета. Я поиничъ купить халатъ и атласный жилетъ, и снержъ того яов что нѣтъ лаконистъ (и оставилъ грив. для задатку въ случаѣ произвольной поѣздки въ Коломну). Теперь я объ этомъ сожалею тѣмъ болѣе, что когда я покушалъ оявку, мени при сдачѣ съ крестенькой обочилъ цѣлымъ рублемъ. Отъ того само собою разумѣется жилетъ былъ купленъ изъ самыхъ дешевыхъ. Я пришелъ домой. Жилетъ, какъ и должно было ожидать, брату не понравился. Онъ велѣлъ купить суконный а я купилъ атласный. Впрочемъ и то надо сказать что суконныхъ не мнѣ не было, и притомъ очень дорогою цѣны. На другой день поутру мнѣ велѣли отнести жилетъ назадъ. Вотъ тутъ-то и пошла каша! Я купилъ то жилетъ рубля

за два а халатъ за ѓ съ чѣмъ-то, а я сказалъ что халатъ купленъ за п р. 50 к, а жилеть за я р. 50 к. Что дѣлать? Въ отчаяніи я спросилъ брата.

— Братецъ! отпустите вы меня въ Коломну!

— А вотъ какъ напишутъ изъ Коломны.

— Ну а если я уѣду безъ спосу?

— Таковы и послѣдствія будутъ.

И пошло и пошло!.. Я разгорячился, сказалъ что мнѣ надоѣло слушать безпрестанную брань и терпѣть побои, что слушать брата не хочу, что я ужъ не маленькій. Братъ кричить пуще. Я еще пуще. Онъ сказалъ мнѣ чтобы я тотчасъ же убирался съ двора его, и больше не казался ему на глаза. Я было сталъ собираться, ваялъ лекціи; но онъ остановилъ меня, сказавъ: ну хорошо, оставайся здѣсь! Видно въ немъ боролись между собою два противоположныя чувства. Тутъ братъ, видя что дѣло пошло не на шутку хотѣлъ успокоиться самъ, и сказалъ мнѣ не мудри ступай перемены жилеть.

Вмѣсто того чтобы остановиться я пошелъ дальше, и наговорилъ кучу грубостей. Братъ схватилъ за волосы и потрясъ довольно сильно, такъ что два три на головѣ оставался у меня большая шишка. Я вырвался, но бѣжалъ сказалъ: это ужъ слишкомъ плохо. Грѣе догналъ меня на крыльцѣ повалилъ и началъ потчивать по русски кулаками, съ разными приговорками: вотъ тебѣ плохо!.. Сестрица унимала его, прибавляя, что это вредитъ его здоровью, но онъ отвѣчалъ:

— Какъ матушка! онъ меня просто подлецомъ называлъ

И ушелъ въ слезахъ.

Какое пространное поле теперь открывалось для моихъ размышленій!.. И я размышлялъ, до тѣхъ поръ, какъ пришелъ къ Василію. Тамъ былъ праздникъ, по случаю посвященія Дмитрія Михайловича родственника Катер. Петр. Къ обѣду пришелъ Дмитрій Васильевичъ. Послѣ обѣда и много сдѣлалъ дѣлъ о которыхъ не хочу упоминать. Весь день проведенъ былъ у Василія. Ночевалъ я въ Покровскомъ у Дмитрія Васильевича, въ его тѣсной лачугѣ. Поутру возвратился къ экзамену.

Послѣ экзамена и обѣдать у Остермановъ, потомъ сходилъ къ Тимковскому который досталъ для меня мѣсто изъ хлѣба у Юмцовоис. дѣлчка, который не видавъ меня обѣщалъ принять меня на ваканціи. Остальное время пробылъ въ прогулкѣ.

Я полагалъ почевать у Василія Ва. И съ такимъ намѣреніемъ пришелъ къ нему вечеромъ, надѣясь найти все въ добромъ здоровѣ, но каково жъ было мое удивленіе, когда я увидѣлъ у нихъ на столѣ мертвѣго младенца. Хозяйина не было дома, хозяйка опала. Мнѣ стало какъ-то скучно. Я въ первый разъ почув. новыг. своего положе. Я пошелъ было навалъ, самъ не зная зачѣмъ и

куда, и приехать из Кремлевской сады. Просидяв здесь до сумерек, я стал думать, где мнѣ почивать, и рѣшился остаться на ночь въ гротѣ но я услышалъ отъ одного служавшаго въ воен. министерствѣ, что тутъ ночью бывали частенько любовники свиданія и потому полиція навѣщаетъ ночью это мѣсто. Притомъ огромныя тучи застилали небо громъ гремѣлъ въ отдаленіи, молніи сверкала въ разныхъ направленіяхъ, и все предвѣщало сильную грозу. Что дѣлать? Гдѣ найти пріютъ. Невольно мурашки подрали по всему тѣлу. Пти къ Василью Васильевичу мнѣ казалось страшно, и притомъ совѣстно. И до этого у него бывать слишкомъ часто. Не бѣжать ли въ Остермановъ? Но на дворѣ была уже ночь. И не успѣю туда добѣжать, какъ тамъ всѣ уснутъ. Ужъ нейти ли назадъ Подъ Дѣвичей мочевать гдѣ нибудь въ огородахъ, не опасался полиціи, а гроза!!! Ну скрыться у брата въ сараѣ, на погребѣ.... Или бѣжать укрыться въ Богоявленскій монастырь, хотя у меня тамъ не было близкихъ знакомыхъ. Мысли одна другой мрачнѣе, одна другой печальнѣе стали пробѣгать въ моей головѣ. Участь моя, казавшаяся мнѣ недавно такъ занимательною, свобода такъ пріятною теперь казалась черезъ чуръ ужасно-романическою. Будущность представлялась мнѣ въ самой жалкой картинѣ! И пойдю въ Коломну! Какъ меня встрѣтитъ тятенька? Пріятна ль ему будетъ моя размова съ братомъ, и что я выиграю отъ этой ссоры!.... А тамъ, а тамъ я буду жить у чужихъ, у незнакомыхъ. Надо будетъ учить и учиться, надо будетъ бороться со многими нуждами, учиться будетъ труднѣе.... Что за жизнь!... Меня взяла тоска, сердце мое сжалось, и слезы покапали изъ глазъ... Пойду къ брату, буду просить прощенія.... Неужели онъ такъ жестокъ, что отвергнетъ меня?... Но постой! зачѣмъ же я бранился, зачѣмъ вытерпѣлъ побой, безпокойство.... Все это было пѣзъ изъ ничего!... Нѣтъ недаромъ я вчера ходилъ мочевать въ Покр, хоть мочевать на улицѣ.... а ужъ поставлю на своемъ.... И я побѣжить въ Богоявленскій и провести тамъ ночь вмѣстѣ съ Румянцовыми. Прости до утра.

Полутру одѣвшись я пошелъ въ классъ за экзаменъ. Меня спромили самый первый нѣмца, о оратор. краснорѣчій. Постѣ экзамена я побѣдаль у Василья В. пять денныхъ изъ отданный назадъ изъ лавку жилетъ и пошелъ къ брату за своимъ хламомъ, чтобы ѣхать въ Коломну.

И приехать, просить, чтобы мнѣ выдали мое именье братъ согласился съ тѣмъ, чтобы я взялъ все что ни было у него изъ моего хламу. Для того, какъ говоритъ онъ, чтобы мнѣ постѣ ваканціи не зачѣмъ было къ нему притти. Но можно ли было взять все? Не только мнѣ снести даже на од. извозчикѣ везетъ всего было невозможно. И пореминисис и такъ и сякъ, укладывавъ, намѣревался по частямъ снести сперва къ Таврову, остав. на в. а послѣ взять назадъ. Между тѣмъ братъ сталъ меня кой о чемъ спрашивать. И отвѣчалъ..... слезы, и

его голосъ дрожалъ.... Я уже просто заплакалъ. Слово за слово, — въ моихъ оти́тахъ по былой грубости ни въ его вошр. глѣва. Наконецъ онъ въ слезахъ подошелъ ко мнѣ, и сказалъ мнѣ поглаживъ меня по головѣ: остался-ка братъ. Ну что тебѣ пользы въ Коломнѣ. Ты думаешь батюшка приметъ съ распростер. объятіями. Поѣдь мнѣ, что пѣтъ, еѣ Богу нѣтъ.... И дѣло было ясно... теперь до августа я въ Москвѣ.

21 августа среда.

Нотъ отчетъ моихъ дѣйствій въ этотъ промежутокъ времени, въ который и ничего не писалъ въ своемъ журналѣ. Неправда ли что много замѣчательнаго и важнаго? Когда это бывало, чтобъ я говорилъ съ бр. такъ смѣло, ночевалъ то за оомъ верстѣ отъ Москвы, то въ одномъ изъ монастырей откуда и вынесъ много блохъ, которые долго меня не оставили, и пр. и пр.

А въ чемъ же я провелъ время съ 18 іюня до августа. До перваго августа я упраж. во ф. языкѣ а съ перваго августа каждый день съ Петромъ Алек. прочитывать нѣсколько страницъ изъ фр. хрестоматіи, чтобъ обучить его чтенію французскому.

Какъ же я занимался французскимъ языкомъ? А вотъ какъ.

Однѣжды и отъ нечего дѣлать пришелъ къ Лаврову. Послѣ нѣск. фразъ у насъ завязался разговоръ о франц. языкѣ. Онъ сталъ говорить, какъ онъ учился у того старика, который одлажды истрѣтившись на полѣ оказалъ намъ *parlez vous français*, и какъ хорошо знаетъ по фр. этотъ старикъ.

— Вотъ если бы намъ у него учиться, склалъ л.

— Чтожъ мѣшаетъ?

— Какъ что? Самое главное! денегъ у меня нѣтъ.

— Не безпокойся я за тебѣ буду платить. Мнѣ съ тобой учиться будетъ охотиѣе. Пойдемъ къ нему.

И мы пошли вечеромъ 24 іюня. Старикъ принялъ насъ съ радостію, согласился брать съ насъ по 5 ру. за мѣсяцъ. Съ слѣдующаго дня мы начали посѣщать его два раза каждый день. Онъ задавалъ намъ нѣсколько урокъ изъ грам. упраж. Ломон. грам. отвѣчалъ на наши вопросы о франц. яз. и училъ насъ произношенію. Въ послѣдствіи стали ходить по одному разу въ день, а теперь вовсе перестали ходить. Отъ чего? Да объ этомъ долго рассказывать! Коротко скажу нашъ учитель оригиналь! Онъ служилъ въ полку, вышелъ въ отставку, былъ богатъ а промотался и теперь свои *culottes* въ пости́вшемъ смыслѣ этого слова оттого то мы и платили ему деньги.

Писать, писать безпрестанно, потому что письмо не можетъ мнѣ наскучить, не можетъ утомить меня, и я ихъ не сбываю куда нибудь, — если это приятно

но только не тисотить меня, но еще облегчает мою голову, наполненную
разными мечтами и думами. И такъ потъ опредѣленіе моего нѣчто, и причина
по которой я началъ его писать. Мое нѣчто есть сбродъ всѣхъ думъ и мечтаній
тѣснѣдшихъ въ моей головѣ, которой отягощеніе въ случаѣ неприятия ихъ куда
нибудь есть причина рожденія на свѣтъ моего нѣчто. Вотъ тебѣ самое насто-
ящее, сухое, какъ опредѣленіе этого нѣчто. И если бы я не былъ увѣ-
ренъ, что ты и безъ моихъ объясненій поймешь планъ моего нѣчто, то прибавилъ бы тебѣ, что нѣчто, *собрание кое чего*, сбродъ кое какихъ мыслей, я если
угодно, по моему опредѣленію, не можешь имѣть строгаго плана, ни особенной
цѣли или сознательной необходимости. Это такъ *мычю*.

Ужъ сплпкомъ двѣ недѣли я въ Коломнѣ!.. Сколько въ эти двѣ недѣли
успѣлъ я испытать приключенія смѣшныхъ и ничего не значущихъ для ниою,
а для меня исполнен. великой важности.

Въ лѣто тысяща осмь сотъ девятое мѣсяца Іюля въ четырнадцатый день
то есть въ пятницу стоялъ я предъ важнымъ собраніемъ моихъ наставни-
ковъ, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ духовенства, и отвѣчалъ на вопросы
задаваемые мнѣ моимъ профессоромъ словесности. Меня экзаменовалъ преосви-
щенный Виталий бывшій главою этого ученаго собранія, во все продол. моихъ
отвѣтовъ смотрѣвшій на меня во всѣ глаза, не сминувъ ни разу до самаго
конца моего от., и казалось, слушать меня съ напряженнымъ вниманіемъ.
Полчаса спустя, вывалилъ другаго, и я, мысленно сказавъ adieu! всему почтен-
ному собранію экзаменуемыхъ, уже мчался по Пречист. къ своему ахляпу
и не прошло часа, какъ я былъ уже дома. Съ какимъ бисіемъ сердца я
приступилъ къ моему педагогу съ просьбою, объ от. меня на родину, въ Кол.
онъ прежде. упорно отказывалъ! Слово было сказано, и.....

О, небо! О, восхищеніе! И ниче ѣду на родину, и завтра же обниму род-
ныхъ моихъ, всѣхъ, всѣхъ! Кто вообразить мою радость? Я самъ не могу этого
описать, и по примѣру многихъ писателей сказавъ бы, что бросаю перо въ
такую минуту, если бы не было мнѣ стыдно писать ложь предъ читателями,
которые тотчасъ замѣтили бы, что подлѣ оныхъ словъ бросаю перо—я начи-
наю продолжать. Часу во иторомъ какой-то мальчикъ въ сильно изношен.
сюртукѣ шель съ кулечкомъ по дорогѣ нѣзъ Подлѣвичка къ Рого. застаѣ. Кто
это? Это я, я самъ, собствен. оною особю. И такъ участь моя рѣшена и я не до-
ждавшись отпуска, который долженъ быть завтрашній день, ѣду въ Коломну.
И подвергнусь опасности, завтра по увѣренію нѣкоторыхъ моихъ товарищей,
будутъ читать имена отличившихся особенными успѣхами прилежанія или
лѣтности, и удостоятъ того и другаго отзыва, будутъ вызывать на сродину,
для полученія должной чести. И напръ въ числѣ первыхъ! Послѣдннхъ, а менн
нѣтъ. Вада.

Но чтожь дѣлать? Мнѣ нельзя было промедлить ни одного дня. Или сегодня или никогда! Въ воскресенье свадьба моей сестры, и я по могу къ ней поспѣть уѣхать завтра. А если я приѣду послѣ свадьбы, чтожь это? Ни то ни се! Ужъ лучше не ѣхать! Итакъ рѣшено! Чортъ съ ними съ похвалами! Тянь бы только быть на свадьбѣ. Аминь. И я былъ уже около кѣли моей холбы—около посто, двора въ котор. обш. останавливаются коломенскіе имѣнники.

Надобно мнѣ теперь сказать, почему мой педагогъ прежде не пускалъ меня въ Коломну на свадьбу моей родной сестры, которой и онъ, если вѣрить метрикамъ коломенской церкви, доводился тоже чуть ли не родной братъ! Причина самая обыкновенная: недостатокъ денегъ. Такъ разсуждалъ мой педагогъ: теперь время дорогое, имѣнники все спѣш. без. сѣд. на Нижегородскую, отъ чего они получаютъ много барыша, и потому задешево въ Коломну никто не повезетъ, пропуская драго. время, въ которое можеть получить денегъ гораздо, гораздо больше, нежели сподна получить онъ отъ поѣзди въ Коломну. Положимъ будетъ пять седоковъ, онъ не возьметъ съ одного и десяти асс. а де. асс. немала штука! Притомъ теперь въ Коломнѣ свадьба, деньги очень нужны, такъ еще конечно не очень пріятно будетъ платить за проѣздъ совершенно ненужнаго и лишняго чело.. было бы пр. если бы я заплатилъ самъ, по у меня совершенная засуха въ деньгахъ. Такъ разсуж. мой педагогъ, и наконецъ онъ не велѣлъ. Посм. исправлены ли его разсужд.

Довольно хорошо. Пр. Н. Гиларовъ.

1889 года Юля 30 дня. Профессоръ Никита Гиларовъ.

Pauvres aveugles que nous hommes!!!

Ciel, domine les imposteurs.

Et force les barbares coeurs

A s'ouvrir aux regards des hommes.

18¹/₈₉.

Старый холостикъ.

Чтобы чортъ тебя побралъ.

Незабывая старый адмиралъ.

Прочитавъ заглавіе, мы тутчасъ думаемъ, что я стану вамъ описывать скучную и холодную жизнь старыхъ холостяковъ, матерію набитую, истертую, переисернутую со всѣхъ сторонъ на лицо и на пананку, описанную по всѣмъ ея отнош., во всѣхъ ея оост., матерію скучную, какъ сама жизнь старыхъ холостяковъ, старую, также какъ и старые холостяки, что я стану вамъ повторить все, что сказано и писано о старыхъ холостякахъ отъ сотиоренія міра до текущаго 1889 года. Не правда ли? Вы думаете, что буду вамъ описывать какого нибудь запоздалаго франта, проводшаго цѣлую жизнь свою въ удо-

вольствіяхъ и портопрашестіяхъ снѣга, и проснувавшееся наконецъ, съ душою
скупною и холодною, съ сердцемъ одиночнмъ, стирка скупающаго собою и
всѣмъ свѣтомъ, что я развѣрю предъ вами его плачевную жизнь, объ которой
такъ много писано, такъ много говорено, что ны приготовили уже улыбку
холод. презрѣнія, которымъ наградите меня за выборъ такой истасканной мате-
ріи? Не беспокойтесь, ничего этого не будетъ: я, просто, хочу описать жизнь
одного стараго холостяка, моего знакома, которому позанимались бы можете
быть и вы, цѣлуды. молод., если бѣ.....

Страненъ мой знакомецъ! Ему теперь уже подлѣ семьдесятъ лѣтъ. Онъ сынъ
купца—инюватъ!—испытанаго гражданина, пожалованнаго такой честью за хо-
рошіи пріемы императрицы Екатер.....

Страненъ мой знакомецъ! Одни считаютъ его просто глухимъ сваредомъ
и нищемъромъ, другіе напротивъ чувствительнымъ и непритворнымъ добрякомъ,
а нѣкоторые просто — глухцемъ. И его очень коротко знаю; в такъ какъ я
ужасно люблю науку души, страстный охотникъ разбирать ощущенія сердца
донеканяться причинъ разныхъ дѣйствій душевныхъ и пѣкот. пружина чело-
вѣческихъ страстей.—.....

И думалъ выдѣлать одинъ театръ а нашеть пхъ домъ. Первый, поменьше и
покасивше, быть крытый; другой больше и убранъ великолѣпнѣе, но на от-
крытомъ воздухѣ. На маленькомъ играли комическія и сатирическія пьесы.
Этотъ родъ театровъ назывался *одежа*. Въ нихъ собирались слушать музыку
смотреть....., или присутствовать на преміяхъ поэтическихъ и философ-
ческихъ, гдѣ наградою побѣдителя всегда быть треножникъ. И въ томъ и въ
другомъ театрѣ находились мѣста вышнихъ чинovníковъ. Дѣла....

..... Никакихъ особенностей нѣтъ, только я съ бр. ходить къ Нв. Вас.,
который далъ мнѣ красную ассигнацію, чтобы отдать Душеникъ, а братцу
Воскресное Чтеніе. Мы пришли домой при свѣтѣ луны. *Лучше дня!*

Нынѣ бр. рассказывать анекдотъ. Одинъ священникъ, старикъ при Николь-
ской, что на Хлѣбной, церкви, на Никитской,—любилъ очень колокола. У нихъ
былъ прежде маленькой колоколъ. Ну нѣтъ этотъ нехорош! Дай-ка пойду по
прихожанамъ набирать на колоколъ! думаетъ свя., и сдѣлалъ. Намѣтить должно,
что у него былъ въ приходѣ главнокомандующій. Вотъ приходитъ свяи. го-
ворить: дай денегъ. Глави. дать 100 рублей.—Ну какъ тебѣ не стыдно: вѣдь
ты первый челоѣкъ въ Москвѣ. Дай тысячу, а то брошу! — Дѣлать нечего,
первый челоѣкъ дать тысячу. Вотъ священникъ набралъ на колоколъ, слили
прекрасныя; нѣтъ все малъ. 400 пудовъ, дрянь, разсуждалъ священникъ. Вотъ
однажды онъ говоритъ пономарю: нельзя ли, братъ, какъ разбить колоколъ, ми

побольше сольемъ. Можно, сударь, отъѣмать пономарь. И ночь вскорѣ востѣ: этого пономаря маю всей силой разъ десять ударялѣ въ колоколѣ, и задребезжалѣ колоколѣ! Ночь пономарь приходитѣ въ церковь, говоритѣ: батюшка! колоколѣ разбилѣ я!—Ахъ какое несчастье! — потомъ тихонько говоритѣ: не бойся ничего, спасибо!—Ночь любитель колоколовъ идетѣ опять на прихожанамъ, проситѣ денегъ перелить разбитый колоколѣ. Денегъ собраны, но священникъ колоколѣ мастеру наказалѣ, чтобъ пудовъ 50 прибавилѣ, обѣщая ему заплатить. Такъ и сдѣлалось. Нечего дѣлать! Не нарочно прибавлено мѣдл, надобно мастеру заплатить, и опять все изъ сбору по прихожанамъ! Колоколѣ быть снятъ отлпчнаго звону. Священникъ дотога любовался имъ, что заставить иногда пономаря звонить, а самъ поидетъ на Воробьевы горы слушать, какъ звонятъ колоколѣ! Такъ-то не слышно тамъ, ночь онъ приляжетъ къ землѣ, и слушаетъ: органѣ!

Кстати вспомнилѣ и еще анекдотѣ. Графѣ А. Г. Орловѣ безденежно кормилѣ ежедневно бѣдныхъ дворянъ, приходившихъ къ нему въ домъ обыкновенно къ обѣду. Между ими былѣ одинъ малоросецъ, который, если его спрашивали, что ему угодно? напр. водки или травнику, обыкновенно отвѣчалѣ: и того и другого. Графѣ сталъ замѣчать, что его нѣтъ довольно уже времени за его столомъ; не зналъ большую частію своихъ гостей, онъ спрашиваетъ—гдѣ тотъ, что говоритѣ и того и другого? Болель отвѣчаютъ. — Отыщите его квартиру и носите ему отъ моего стола и того и другого.

... Намъ сказали, что будутѣ поднимать завтра поутру; мы пошли домой, оттуда на огороды, гдѣ набрали премножество шампиньоновъ; потомъ чай пошли на рынокѣ. Когда мы шли оттуда, бр. спрашивалѣ о состояніи Коломны гдѣ хорошее строеніе; придеши домой онъ говорилѣ, что прекрасно бы было если бы на мѣстѣ крѣпости сдѣлать бульваръ, и дома наъ Кремля дрянные сбросили. Тутъ начали говорить о крѣпости. Вратецъ поминѣ крѣпость разрушенную но не разобранную еще; въ двухъ воротахъ (нп. и кос.) не вѣдрили и вѣдрили въ проломахъ. Оттуда перешла рѣчь къ повѣрнымъ коломенискимъ, объ Ивановскомъ кладѣ, о Мотасѣ, о протоіакопѣ, о Николаѣ мѣщанѣ, о лукашникахъ. Ночь и прошло 1-е сентября, а и въ Москвѣ! Приидетѣ и второе, я тутъ же!...

3 сент. четвергъ.

Мнѣ нинѣ пришло въ голову, что ученики про меня подумаютѣ, что я здѣсь остался учиться. Охъ какъ больно это! если правда! вотъ какъ предпаложь!

И все въ Москвѣ! Удивительно! Когда приидутѣ камоль, тогда и въ Коломну! Поутру я поместѣ было глядѣть, какъ будутѣ поднимать камоль, но стѣ уже поставили навѣрху!

принесенъ отъ... н. н.

Сент. 3 пяти.

Нынѣ тоже ничего особеннаго. Поутру я слушалъ на полѣ музыку, былъ у кавариръ. Послѣ обѣда я вечеромъ ходилъ за грибами (шампиньонами). Чай пилъ у Миримин. Крыша у часовни Лопухиной нынѣ не поправилась. Завтра постригаютъ монахиню, а нынѣ всенощная. Какъ не поглядѣть! Что же я на вѣ. Коломна? Сестра А. сказала, что будто бр. говорилъ, что я побѣду непремѣнно въ воскресенье. Не вѣрю! А хорошо бы, если такъ! Вечеромъ много говорили о Лотерѣ, католпкахъ, грекахъ, армянахъ, гернгутцахъ. Ахъ какъ Лотерѣ мерзко! вотъ непознание то! Нѣтъ не пойду я въ эту вѣру. И кой что написать въ шкафѣ, похожее на письма, послѣ расскажу, когда равноотро ихъ.

Сент. 4 субб.

Что я поутру дѣлалъ? Ничего, пилъ чай и послѣ думалъ было итти на поле, но пошелъ къ обѣдин, видѣлъ постриженіе. Новопостриженную прежде звали Татіана, а нынѣ Авенира. Не отстоя обѣдин, пошелъ на поле но ничего не звать.

Ужасная клитка! Клитка, подумалъ я, должна бы обратить сердце монахини къ Богу, если ей каждый день читать ея. Являлицамъ немудреное дѣло грѣшить и чернчить?....

Пратецъ говоритъ: митр. въ Коломнѣ, будто въ училищѣ, а Гиларова итѣт., и сказала: „я боленъ“. Между тѣмъ внутренность моя поворотилась. Что теперь Коломна? Теперь Андрей Смирновъ краса училища, а крокъ его? никто. Ужасно! Быть въ Москвѣ, когда митр. въ училищѣ!

И обѣщать истолковать письма. Бр. къ кому то писалъ. На однихъ подписано: 1828-го года. Я думаю и нынѣ тоже это видно изъ писемъ. Къ кому нынѣ будучи студентомъ Богосл. писать? не понимаю.

Во всенощной встрѣтились нынѣ какіе-то люди похожіе на школяровъ, разговаривали со мной и пошли на Норовенскую сторону по стѣнѣ. Я нынѣ открылся, когда ужъ вышелъ, но фамиліи не сказалъ. Они нынѣ показались подозрительными: потому что кому идти туда, гдѣ никто не живетъ? Странное дѣло! если завтра будутъ у обѣдин надобно узнать обстоятельство. Нынѣ бр. пишутъ слово къ негдѣю 13 по пятдесятницѣ. Нынѣ какая недѣля не знаю и надобно бы знать нынѣ.

Сент. 5 воскр.

Пришло и воскресенье, ничего нынѣ. И примѣчательнаго нынѣ. Только что вечеромъ глядѣть и свадьбу въ Седьмо-Воскресенской церкви, гдѣ нынѣ руку оридавали. Не знаю: и пора бы домой, давно пора. Что теперь дѣлать. Бр. по

хвалить из Новостр. то, что онъ не велитъ ученикамъ писать Иоаннъ, Захарій и проч. по той причинѣ, что они еще не заслужили такихъ именъ. Но сказать бы ректору, что эти ученики ужъ заслужили такія имена, которые имъ при крещеніи еще даны.

Сент. 6 понед.

Нынѣ я пораженъ письмомъ бр. из Коломну, въ которомъ онъ намѣренъ завтра послать со мной къ ямщику и проповѣди. И пойду постъ нашего правящаго, когда приплотъ теплое платье, а если самъ тят. не прѣбдегъ, то пусть прислалъ бы при удобномъ случаѣ это платье, а между тѣмъ мы занимаемся Риторикой. Завтра въ Рогожскую одиной!

Сент. 7. втор.

Нынѣ я по написанному братомъ трагту носилъ обѣда ходилъ въ Рогожскую, гдѣ отдать ямщику письмо, отсюда на Пречистенскъ нанялъ извозч. за 48 коп. я прѣѣхалъ. Ужасно подумать: во время правящаго быть изъ Москвы! Изъ Рогожскую я шелъ малой Царининской, полемъ, Зубовымъ, Пречистенскомъ, Порошицкими поротами въ Кремль, отсюда Спасокини, здѣсь я было заблудился, но пошелъ на Ильинку въ Юшковъ переулокъ къ Н. Н. Мещанинову, чтобы, если онъ здѣсь, онъ отослалъ письмо, но его не было, онъ не прѣѣхалъ. Оттуда опять на Красную площадь, мимо Василия Блаженнаго, на набережную, потомъ повернулъ мимо Китайской стѣны; тутъ у Варварскихъ вор. направо, съ Варварской площади на Солянку, на каменный Яузскій мостъ, нѣтъ съ него на ямы, потомъ у Алексѣя Минтр. направо. Тутъ и нашелъ. Оттуда также.

Сент. 8. среда.

Вотъ ужъ недѣля, а я въ Москвѣ! А я ип съ мѣста! Но аносъ Богъ поможетъ! Чудо что за пустяки! Это вадоръ, я развѣ я потерялъ что отъ этого? Ничего. Не нахожусь ли еще въ барыпахъ но, тинѣ! Мнѣ пора написать литературное событіе, хотя оно и давно, однако я его не зналъ. Г. Надеждинъ, какъ мнѣ было извѣстно, человѣкъ изъ духовнаго звѣнія, издавалъ журналъ "Телескопъ", родомъ изъ Вѣлосмута, свин. сынъ, сослѣдъ изъ Успенскаго за то, что называлъ Русскихъ дураками. Но писать статью въ журналѣ не онъ, а Чидневъ, котораго объявили сумасшедшимъ.

Путеу я слушалъ въ Смо. соборѣ бр. проповѣди, а постъ обѣда ходилъ на Изотовъ огородъ, гдѣ нашелъ 8 шаши, которые вынудили насъ гулять и выѣсть искать ихъ. Мы ихъ нѣло нашли, но разговаривали кол о чемъ. Замѣтить: одежду серебряную на престолѣ въ Смо. соборѣ издѣланиемъ Ахмедова, впрочемъ небогатаго человѣка. Видѣть и памятники Аблаа, очень хороши! И

въ Библиотекѣ д. ч. читать повѣсти которыя мнѣ очень нравятся. Елена Т-ская кричала, Александрова (Дуровой) Жекскій уль лучше всѣхъ дула, и Дашко порубилъ. Александровъ! Онъ становится въ ряды нашихъ писателей! Какъ они мило пишутъ! Хорошо бы было, еслибъ она болѣе писала. Еще мнѣ нравятся стихи Досмоу Д. Давыдова. Вотъ еще прекрасно, и смѣшно, право! Это просто сатира на старыхъ мужей. Люблю Давыдова нечего сказать, люблю; жалю о смерти Пушкина и Марлинкова!

Желательно, чтобъ бр. купилъ латинскихъ книгъ, которыя обѣщать! Хорошо бы, очень хорошо. Грамматикъ общинныхъ!

Куплю, когда будутъ деньги, и приму съ Колосову. А. Гиларов. 7)

Сент. 9 четв.

Журналъ братцевъ, въ которомъ есть анекдоты. Вотъ журналъ! Я думаю, что и лучшие литераторы пишутъ слогомъ, не лучше этого. **) Бр. вообще не любятъ студентовъ М. Академіи, и тутъ тоже говорить. Не хвалить! Удивительно пишетъ братецъ о студентахъ. Я не думалъ этого! Вотъ бра. анекдоты. „Накто Петръ Алексѣевичъ Ивашкинъ спрашивалъ покойнаго Преосвященнаго Августина, какъ онъ въ такіе морозы, какіе бываютъ въ Крещенье, можетъ нести голыми руками крестъ и притомъ металлическій. Не удивляйтесь, отвѣчалъ Архіерей, потому что ихъ грѣетъ благодать. Какая, подхватилъ Ивашкинъ, благодать? Да та Петръ Алексѣевича, которая у протодиакона въ муфть. — Августинъ смилъ отвѣтомъ достигъ своей цѣли, т. е. онъ хотѣлъ сказать что ишбуди остринковъ, и сказалъ. Но зачѣмъ жертвовать для остроты и притомъ Архіерею, соединеніемъ такого высокаго понятія съ столь обыкновенною и даже въ отношеніи къ благодати паякою вещію? Мнѣ кажется, что пастиры овецъ сказали не слишкомъ хорошо.“

Вотъ еще: „Я не зналъ что въ Россіи въ 40 лѣтъ, а не менѣе, дерево вырастаетъ, чтобъ сдѣлаться годнымъ въ стройку. Нельзя ли отъ сего, подумалъ я, сдѣлать общаго заключенія и къ образованію какъ физическихъ такъ и нравственныхъ силъ обитателей Россіи, относительно того, во сколько времени можетъ оно совершиться? Какъ дерево вырастаетъ въ теплыхъ климатахъ скорѣе, нежели въ холодныхъ: подобно сему и человекъ рождается и живетъ въ тепломъ климатѣ скорѣе созрѣваетъ въ своихъ какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ силахъ. Арабка въ 10 лѣтъ можетъ рожать дѣтей, и Арабъ 12 или 13 лѣтъ опосовѣнъ быть и мужемъ и хозяиномъ дома. Но въ Россіи сего быть не можетъ.“ Но довольно выписывать!

*) Привожу другой уука.

**) На поляхъ написано другой уука: „много чести“.

Нынѣшній день довольно выписывать изъ журнала бр. въ свой; по и своего у меня много. Былъ я у молебна. тутъ ничего. Примѣчательность началась съ тѣхъ поръ, какъ мы всю семью пошли въ баню. Бр. говоритъ, что хочетъ одѣлать духовное завѣщаніе. А. сказа. что и Сер. братъ тоже хочетъ. И хорошо, оказалъ братъ: если я илругъ умру. то большая часть имѣнія въ руки сына. а дочерямъ и жентъ самая малая часть. Ахъ, если тят. умереть не сдѣлаши завѣщанія, то вотъ мы вамъ ничего не дадимъ, сказалъ бр. съ усмѣшкой обращаясь къ Ак., завѣщаніе великое дѣло! Мы пошли изъ Овраженскія бани, конкъ передѣлывалъ; еще бани промѣли, потомъ пришли въ Лепехинскія, гдѣ и мылись въ дворянскихъ баняхъ. Я мылся что-то хуже прежняго. Бани каменные, въ нихъ тѣплѣ и холоднѣе, нежели въ Овраженскихъ. а въ горячей очень жарко! Оттуда женскому полу маньятъ навоощ. мы мужескаго пола пошли на рынокъ. Потомъ послѣ чаю только двое съ бр. пошли гулять. Я сказалъ братцу: вотъ одна звѣзда; да, сказа. бр. это Вепиш, Венера а у насъ въ простомъ народѣ называютъ ее зарница; провозвѣстница солнца, она прежде всѣхъ появляется вечеромъ а послѣ всѣхъ остается утромъ ночью она не уходитъ отъ запада къ востоку. Велико твореніе Божіе: она не меньше или немного меньше земли, а мѣлоче меньше ея, но ближе отстоятъ отъ нея, нежели Венера. Потомъ мы пришли домой. Тамъ много говорили о воспитаніи, что полезно читать книги съ размышленіемъ и слушать умныхъ бесѣдъ. Я говорилъ, хорошо бы, еслибы была такая память что все бы прочитанное помнить. Братъ сказа. вотъ Николай Ивановичъ Надеждинъ имѣеть огромную память, но у него расудокъ плохъ. Онъ что нинѣ писалъ, завтра тому противорѣчить. *Non multa, sed multum legere debemus.* Намъ попался въ банѣ А. П. Виноградскія, онъ живетъ подлѣ бани, сосѣдъ банщику. Довольно писать, я брошусь теперь въ объятія Морфея! Сладко сладко уснуть послѣ бани.

Сент. 10 пятн.

Я ничего сегодня не сдѣлалъ. Миѣ нинѣ досталась участь гусей Крыловъ. Я буду писать о другихъ а о себѣ ничего. Жалко потерять день понапрасну! Да, понапрасну! Нолтати пустяки грѣхъ, а и читалъ отъ нечего дѣлать слѣдствен. пустяки! Ну да чтожъ? Я газеты читалъ. Чтожъ за бѣда! Ну да что я и здѣсь радъ попусту марать бумагу! Скажу откровенно: я ничего не дѣлалъ. Вечеромъ съ Григорьемъ дѣлчкомъ объ Коломиѣ говорить я, у него тамъ родикъ. Священникъ И. А. Никольскій что на посадѣ, да еще Архимандритъ Іосифъ. Тутъ я надумалъ спросить: есть ли у него омынь? Онъ сказалъ: есть, Михаилъ Ивановичъ у Космы и Даміана за Лузою. Тутъ его позвалъ бр. и мы потеряли разговоръ. Онъ ушелъ! Это потому миѣ хотѣлось узнать, чтобъ узнать гдѣ живетъ И. Г. Рудневъ. Вечеромъ Д. А. Грѣшницевъ давалъ сороко-

ную молитву сестр. и долго сидѣть. Видите, какой пустяковой день, въ Коломнѣ, все не то бы! Чѣмъ дѣлать? Богъ милостивъ! Что-то будетъ завтра? Такой ли день пустяковой или дѣльной какой? Вр. говорить, что проѣхать по желѣзной дорогѣ версты тысячу стоитъ будетъ не болѣе пяти рублей. Каково же будетъ дешево въ Коломну.

^{*)} Старайся нести не такъ отрицательно, но болѣе въ періодическомъ форматѣ.

Ничто, собраніе кое-чего или мои мечты и думы.

1840.

Москва 1 Января 1840 года. Повѣдѣльникъ.

Уже давно погрузились въ сонъ всѣ жители моей родины. Ночь была темная, лилали блисташи на голубочъ покровъ неба. Кое гдѣ еще мелькала огоньки, съ которыми, можетъ быть, бѣдный ремесленникъ доканчивалъ свою работу, чтобъ достать себѣ насущный хлѣбъ. Все молчало, какъ вдругъ среди псеобщаго безмолвія заиграли колокола на соборной колокольнѣ, и вслѣдъ за тѣмъ торжественно загудѣлъ часовой колоколъ, двѣнадцать разъ повторилъ свои удары. Это были голоса времени, поглававшій рубѣжь между прошедшимъ и будущимъ... Мѣдь еще звучала, и перемѣнное ея дѣло разливалось ея отголосокъ. Звукъ становился тише и тише, и наконецъ незамѣтно замеръ въ воздухѣ. Вслѣдъ за этимъ на соседнемъ дворѣ раздалось громкое ку-ку-ре-ку-у-у!.. Этому звуку откликнулся пѣтухъ и изъ нашего курятника въ свою очередь прохрипѣлъ сильнымъ своимъ голосомъ обывчикъ пѣсенъ. За нимъ другой, тамъ трітіі: а тамъ далѣе и далѣе весь городъ оглашался пѣтушнымъ пѣснемъ.

И въ это время, занятая чтеніемъ Калѣба Виллѣмса, я сидѣла дома на балкѣ и наслаждалась прекрасною ночью. Пробыло полночь, и я перестала читать. Торжественная тишина ночи, прерванная унылымъ гуломъ часовъ и разногласными ерканми пѣтелей, страдавша Калѣба, описаннымъ въ читанной мною книгѣ, тозныи свѣтъ думы и чуть брезжащее мѣрканіе звѣздъ, все это внушило мнѣ грустные думы.

Ужъ полночь! подумать я. Какъ скоро летитъ время; я не видѣла какъ прошесть вечеръ. Да я и не замѣтила даже, какъ протекла ваканція!.. Завтра первое сентября, настаетъ конецъ отдыха *Комчюса, конецъ* — какія несносныя слова! Они всегда напоминаютъ мнѣ тлѣнность всего земнаго.

Все атѣсь кончится; кончится и наша жизнь, и горе тому, кто не уснѣлъ

^{*)} Навѣрное другой разъ.

надлежащим образом располагать временем, кто по всю жизнь собирался только жить, и просыпается лишь тогда как грозная коса засверкает пасть его головою. Тогда все будет поздно, и лишь горькое раскаяние сопроводит во гроб несчастного. Боже мой, и теперь я не могу уже возвратить того времени, которое прожить, не могу возвратить даже прошлого года, не могу вернуть и самых этих минут, проползших теперь мною из размышлений!... Они канули в вечность... Лишь Иисус Навий продолжил время вопреки его обыкновенным законам!.. О безжалостное время! Ты глухо ко всем жалобам недовольных твою быстротою, и жалующихся на твою нестерпимую силу. Я представляю себя теперь юношу, полную жизни и красоты. Какими наслажденьем дышать всё его взоры! Какое удовольствие выражают всё его движения! Наслаждайся, наслаждайся, прекрасный молодой человек, наслаждайся пока есть время! Ты еще только начал пользоваться жизнью, только выступил в свет, и не успел еще различить истинно добрых людей от лицемеров, честных друзей от ложных приятелей, и со всем стремленьем юношества предался любви к ближнему. Но пройдет время, оно раскроет тебе глаза, и твоё очарованіе минует. Ты будешь скучать светом и онъ тобою, словомъ будешь такимъ же каковъ вотъ этотъ старикъ согнутый всесильнымъ временемъ в дугу, потерявши розовый отливъ ланитъ и испещренный морщинами, старикъ бранливый и скучный. Плачешь ты, если при всемъ знаніи суоты здѣшняго міра будешь любить ближнихъ, и не ощутишь той горечи сердца, какую обыкновенно чувствуютъ старики разочаровавшіеся здѣшнею жизнью; но горе тебѣ, если ты, потерявъ любовь къ свету, забудешь люб. и ближ!..... не поможе, всё твои жалобы будутъ....., время невозвратимо.

Какъ любопытно бы было мнѣ писать исторію моего времени. Когда достигну и зрѣлаго возраста, то перечитывая свои записки о препровожденіи времени, при воспоминаніи о прошломъ, сердце исполнится удовольствіемъ. Приятно вспомнить о старинѣ. Чтожъ? Что мѣшаетъ мнѣ начать мой дневникъ съ нынѣшняго же дня, тѣмъ болѣе, что съ перваго сентября мѣ старину начался новый гражданскій годъ, а нынѣ начинается новый учебный и церковный. Итакъ—рѣшено!...

И сошелъ съ балкона, и оставивъ книгу началъ скорыми шагами расхаживать по двору. Всѣ мои мысли были заняты новою выдумкою, дневникомъ. Я думаю, что мнѣ въ немъ писать и какъ писать. Дневникъ у меня дѣло не новое: сколько разъ я начиналъ вести и прекращать дневники свои, имѣвшие разные заглавія—журналовъ, дневниковъ, записокъ! Нерѣшительность, какую

я вообще замѣчаю въ своемъ характерѣ, всегда мѣшала мнѣ продолжать дневникъ. Чуть что не такъ, не по мнѣ написалось, и дневникъ разорванъ въ клочки!.. Однажды только я довелъ свой дневникъ до половины мѣсяца. Онъ прекратился самъ собою. Въ первый разъ бывши въ Москвѣ я затѣялъ записывать мои приключенія въ столицѣ, началъ съ 1 сентября, и кончилъ 10 числомъ: потому что около этого времени я возвратился въ Коломну, гдѣ нечего было записывать во время моей безцѣльной тамошней жизни. Приѣхавъ во второй разъ въ Москву, я по совѣту брата, для усовершенствованія своего въ письмѣ, началъ второй дневникъ тоже съ перваго сентября, но и этотъ продолжался не болѣе недѣли, по причинѣ тогдашнихъ безпрестанныхъ моихъ ученическихъ занятій. И вотъ теперь ровно чрезъ годъ затѣялъ четвертый дневникъ, потому что кромѣ двухъ сентябрьскихъ, быть еще у меня журналъ апрѣльскій въ 1849 году, состоявшій изъ одного предисловія. И ужъ не считая тѣхъ дневниковъ, которые и бывало писывать въ Коломнѣ, бывши еще не училищнѣ: потому что они не заслуживаютъ названія дневниковъ.

Обдумавши планъ своего журнала, и легъ спать. На другой день, т.-е. 1 сентября, чѣмъ свѣтъ, я придумалъ заглавіе, и написалъ предисловіе. Вотъ оно.

Вторникъ 1 Августа 1850 года.

L'aveugle qui nous vommes!...

Ciel, démasque les imposteurs

Et force les barbares cœurs

A s'ouvrir aux regards des hommes.

Тебѣ, милый другъ мой, другъ единственный, посвящаю первая строкъ моего *мечмо*. Ты конечно желаешь знать, что такое это *мечмо*, и что побудило меня писать его.

Другъ мой! Я теперь живу въ отдаленіи отъ Москвы, въ глуши, хотя въ городѣ, считающемся однимъ изъ лучшихъ городовъ имперіи, чему служить доказательствомъ календарь 183... года, при этомъ случаѣ насчитывающій въ немъ ошшокомъ 13 тысячъ жителей, которые теперь еще болѣе должны умножиться, если принять въ расчетъ умноженіе ихъ въ теченіе послѣднихъ годовъ. Такъ, я живу въ глуши, гдѣ мнѣ нечѣмъ заняться, съ кѣмъ поговорить, гдѣ нѣтъ тебѣ, нѣтъ никого, съ кѣмъ бы я безъ скуки могъ раздѣлить время. Чѣмъ дѣлать? Неужели ѣхать пахать изъ роднаго города, въ которомъ я провелъ свое дѣтство, и гдѣ все мнѣ дорого, изъ родины, въ которой я не былъ цѣлымъ годъ. Чѣмъ дѣлать здѣсь, спрашиваю я, что дѣлать въ теченіи шести недѣль, которыми я проживу въ Коломнѣ? Чѣмъ? Но ежели во все шесть недѣль только гдѣмъ и заниматься, что читать, читать да читать, то, право, хотя

кого тоска вольного. Итакъ пожалуй всѣхъ начинаешь! Чтоже остается дѣлать? Чѣмъ разнообразить мои занятія въ чтеніи.. Да, я не нахожу другаго развлеченія, кромѣ письма. Итакъ я буду читать, потомъ писать, потомъ опять читать, послѣ чтенія снова писать; писать что придетъ на умъ, бросать на бумагу мысли и мечты, безпрестанно занимающія мою голову, всѣ чувства, вращающіяся подъ моимъ сердцемъ; писать то, что я вычиталъ въ книгахъ, дѣлать выписки и вывлеченія изъ тѣхъ твореній, которыя особенно обратили на себя мое вниманіе, и дѣлать имъ оцѣнки. Вотъ мое *нечиво*.. Твои другъ.

Каково? Предисловіе хоть куда; жалъ только, что все что я въ немъ написалъ — сущія ложь. Я тогда страдалъ ужасною любовью ко всему притворному, лицемерному, поддѣльному. Такимъ образомъ вмѣсто 1 сентября я выставилъ 1 августа для того, чтобы объяснить небывалую причину депешки. Такъ я выдумать какого то друга, и чтобы поудобнѣе.....
